

Федеральное агентство по образованию
Байкальский государственный университет экономики и права

С. В. Корнакова

**СОДЕРЖАНИЕ И ЦЕЛЬ ПОЗНАНИЯ
В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

Иркутск
Издательство БГУЭП
2008

УДК 343.14(075.8)
ББК 67.99(2)8я7
К 67

Научный редактор Засл. юрист РФ, д-р юрид. наук, проф. И.В. Смолькова

Рецензент Засл. юрист РФ, д-р юрид. наук, проф. А.А. Протасевич

Корнакова С.В.

К 67 Содержание и цель познания в процессе доказывания по уголовному делу / С.В. Корнакова. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. – 188 с.

Рассматривается содержание познания в процессе доказывания по уголовному делу, соотношение познания и доказывания в уголовном процессе, выявляются специфические особенности познавательной деятельности в процессе расследования уголовного дела. Анализируется дискуссионный вопрос об истине как цели уголовного судопроизводства, соотношение и динамика взаимодействия вероятного и достоверного знания.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических факультетов вузов.

67.99(2)8я7

ББК

Корнакова С.В., 2008
Издательство БГУЭП, 2008

Предисловие

Качественные изменения уголовного судопроизводства на современном этапе предполагают необходимость не только совершенствования законодательства, но и значительного повышения качества и эффективности уголовно-процессуальной деятельности, что, в свою очередь, требует от каждого работника правоохранительных органов и суда всестороннего знания тех теоретических вопросов, от разрешения которых непосредственно зависит повышение эффективности следственной и судебной деятельности. К этим вопросам, в первую очередь, следует отнести вопросы, связанные с уголовно-процессуальным доказыванием, которые в теории уголовно-процессуального права обоснованно относят к числу концептуальных.

Поскольку методологической основой юридической науки является теория познания, исследование обстоятельств уголовного дела, постижение юридически значимых признаков совершения преступления, как и любое познание, протекает с соблюдением закономерностей познания вообще, подчиняется общеметодологическим принципам отражения и причинности с соблюдением логических правил и способов постижения истины.

Значимость изучения проблем, связанных с доказыванием по уголовному делу, не нуждается в дополнительной аргументации. Необходимость методологического осмысления доказательственной деятельности является предпосылкой качественной профессиональной деятельности юриста.

§ 1. Доказывание как познавательная деятельность по уголовному делу

*Человек должен верить, что непонятное можно понять.
Иоганн Вольфганг Гете*

Процесс расследования преступления осуществляется путем собирания, проверки и оценки доказательств и обоснования этими доказательствами выводов и решений по делу. Эта деятельность в уголовно-процессуальном законе охватывается понятием доказывания (ст. 85 УПК РФ).

Уголовно-процессуальное доказывание представляет собой познание событий прошлого, осуществляемое, в основном, не непосредственно, потому что познаваемая реальность (событие преступления) к моменту расследования уже не существует, а опосредованно, то есть по отображениям, которое она оставила на материальных объектах, в явлениях, процессах, в сознании людей¹. Таким образом, единственным способом раскрытия преступного деяния может быть только тщательное исследование связанных с ним сведений, и познание по этим известным сведениям неизвестных обстоятельств преступления.

Уголовно-процессуальное доказывание определяют как разновидность процесса познания². Данный тезис обосновывается тем, что познание в уголовном судопроизводстве, как и любая область познавательной деятельности, подчинено общим гносеологическим закономерностям (gnosis – знание и logos – понятие, учение; гносеология – «понятие о знании», «учение о знании»), опирающимся на тезис о принципиальной познаваемости мира, с со-

¹ Безлепкин, Б. Т. Уголовный процесс России: Учебное пособие / Б. Т. Безлепкин. – М.: Проспект, 2004. – С. 119.

² Белкин, А. Р. Теория доказывания: Научно-метод. пособ. / А. Р. Белкин. – М.: Изд-во НОРМА, 1999. – С. 1; Орлов, Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. Научно-практическое пособие / Ю. К. Орлов. - М.: «Проспект», 2000. – С. 5; Ратинов А. Р. Вопросы познания в судебном доказывании / А.Р. Ратинов // Советское государство и право. – 1964. – № 8. – С. 107.

блюдением логических правил и способов получения верного представления об имевшем место событии прошлого¹.

Каково же соотношение познания и доказывания в уголовном процессе? Нередко в юридической литературе познание в уголовном процессе и судебное доказывание характеризуются как взаимозаменяющие понятия и употребляются в качестве синонимов². Так, например, М. М. Михеенко считает, что, когда речь идет о гносеологической сущности уголовно-процессуального доказывания как особой разновидности познания действительности, необходимо ставить знак равенства, идентичности между доказыванием и познанием³. Однако, хотя деятельность субъектов доказывания носит познавательный, исследовательский характер, рассматривать понятия «познание» и «доказывание» как тождественные нельзя, так как их совпадение не полное. Различие этих понятий особенно очевидно в условиях перехода современной системы уголовного судопроизводства от обвинительного к охранительному типу, основанному на принципе состязательности сторон, когда в число субъектов доказывания включены две стороны – обвинения и защиты, для которых познание и доказывание, хотя и тесно связаны друг с другом, но, вместе с тем, являются разными видами деятельности.

Познание вообще – это взаимодействие субъекта и объекта, результатом которого является проверенное практикой и удостоверенное логикой новое знание о мире⁴. Если познание представляет собой получение знаний о тех или иных предметах и явлениях действительности, то доказывание заключается в обосновании полученного знания соответствующими средства-

¹ Алексеев, П. В. Философия: Учебник / П. В. Алексеев, А. В. Панин. – М.: ЛексЭст, 2002. – С. 207.

² Каз, Ц. М. Доказательства в советском уголовном процессе / Ц. М. Каз. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1960. – С. 16; Уголовный процесс: Учеб. для студентов юрид. вузов и фак-тов / Под ред. К. Ф. Гуценко. – Изд. 2-е перераб. и доп.; – М.: Зерцало, 1997. – С.129 – 130; Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер.- М.: Норма, 2008. – С. 16 – 24.

³ Михеенко, М. М. Доказывание в советском уголовном процессе / М. М. Михеенко. – Киев: Высш. шк., 1984. – С. 8.

⁴ Краткий философский словарь / Под ред. А. П. Алексеева. – М.: Проспект, 1999. – С. 235 – 236.

ми для предоставления возможности познания тех же обстоятельств другими лицами и проверки полученного знания на достоверность. Познание выступает гносеологической основой доказывания, так как доказывается, обосновывается всегда познанное.

Круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, определен в законе (ст. 73 УПК РФ), установление этих обстоятельств является обязательным условием для разрешения уголовного дела по существу. Содержание предмета познания и предмета доказывания в уголовном судопроизводстве различно. Предметом познания в процессе расследования по уголовному делу являются конкретные сведения о событиях прошлого и настоящего, но лишь имеющие правовое значение сведения становятся предметом доказывания.

В связи с этим, вызывает возражение мнение некоторых ученых, считающих, что «лишено всякого основания утверждение, будто надо различать предмет познания и предмет доказывания по делу, якобы первое из этих понятий шире второго»¹. Представляется, что критикуемое утверждение является верным, поскольку в процессе познания обстоятельств совершенного преступления далеко не все, познанное лицом, производящим расследование, включено законом в предмет доказывания.

В процессе собирания, проверки и оценки доказательств познание не отождествляется с доказыванием, не сливается с ним полностью. Познание иногда ограничивается выяснением какого-либо обстоятельства только самим следователем (например, уяснение им обстановки на месте происшествия), доказывание же предполагает не только уяснение факта следователем, но и превращение его из «факта для себя» в доказательственный факт. Первоначальные сведения обнаруживаются в процессе производства осмотров, обысков, при допросах свидетелей, подозреваемых, при ознакомлении с документами и т. д. Так, например, при производстве осмотра не должны оставаться без внимания предметы, которые на первый взгляд могут казаться

не связанными с расследуемым событием, но которые впоследствии могут помочь восполнить картину преступления² (оброненная квитанция, обрывок газеты с разгаданным кроссвордом³, пятно на скатерти и т. д.). Когда собираются первоначальные данные, часто неизвестно, какие из них и в какой связи будут находиться с устанавливаемым событием преступления, лишь при последующем анализе исходных сведений лицо, ведущее производство по делу, выявляет наличие общего – их связи с преступлением. Этот процесс обобщения решает важную задачу относимости доказательственного материала. Объекты, относимость которых к делу не является очевидной, но возможна, должны изыматься для последующего их изучения и решения вопроса об их значимости для расследования. Относимость к делу некоторых сведений может выясниться в результате сопоставления их с уже полученными доказательствами, в результате специального исследования экспертом и т. д. Те же сведения, связь с расследуемым событием которых не установлена, будучи познанными и оставаясь в материалах дела, не будут входить в содержание предмета доказывания. Всякое обстоятельство, относящееся к предмету процессуального доказывания, должно быть познано и удостоверено органами следствия и суда в предусмотренном законом порядке, но сначала это обстоятельство познается, а уже затем решается вопрос об относимости этого обстоятельства (сведений о нем) к предмету процессуального доказывания.

Значит, предмет познания и предмет доказывания по делу находятся в отношении субординации и объем первого понятия включает в себя объем

¹ Фаткуллин, Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания / Ф. Н. Фаткуллин. – Изд-во Казан. ун-та, 1976. – С. 48; Дулов, А. В. Основы формирования криминалистической теории доказывания / А. В. Дулов, А. С. Рубис. – Минск: БГУ, 2004. – С. 43.

² И. Я. Фойницкий в этой связи писал: «Судебная практика богата примерами раскрытия виновников по оставленному ими отпечатку руки, по свойству узла на оставленной веревке, по пыли от ног, по клочку волос и т.п.». (Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства в 2-х т. Т. 2 / И. Я. Фойницкий: печ. по 3-му изданию Спб., 1910. – СПб.: Изд-во АЛЬФА, 1996. – С. 303).

³ Так, например, Р. С. Белкин описал случай, когда по заполненному печатными буквами месту, где редакция предлагала проставить фамилию лица, отгадавшего кроссворд, для отсылки решения в газету, несмотря на то, что на обнаруженном обрывке были только две буквы, удалось установить женщину, совершившую детоубийство. (Белкин, Р. С. Ведется расследование... / Р. С. Белкин – М.: Советская Россия, 1976. – С. 124).

второго. Такому выводу не противоречит и то, что «с гносеологической точки зрения доказывание есть разновидность опосредованного познания и не может иметь предмет, отличный от предмета познания»¹, поскольку по правилам формальной логики признаки, присущие роду, с необходимостью принадлежат и виду.

Статья 85 УПК РФ определяет, что доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, при производстве по уголовному делу. Значит, прежде чем стать доказательствами, информация о расследуемом событии должна быть познана, осмыслена, проверена и оценена. Познание возможно без доказывания, но не наоборот.

Лицо, производящее предварительное расследование, может получить относящиеся к делу сведения и непроцессуальным путем, например, в результате оперативно-розыскной деятельности органов дознания. Такие сведения, являясь непроцессуальной информацией, могут быть использованы: 1) в качестве ориентировочных, вспомогательных данных, направляющих процесс расследования; 2) для обнаружения возможных носителей доказательственной информации; 3) для планирования следственных действий; 4) в качестве информации, которая может стать доказательственной путем ее легализации в уголовном процессе.

Так, например, из оперативных источников стало известно, что подозреваемый, находясь в следственном изоляторе, рассказал о своем участии в преступлении и об обстоятельствах преступления. Это только ориентирующая информация. Но следователь по договоренности с оперативным работником решает допросить лицо, которое сообщило о состоявшемся в камере разговоре, в качестве свидетеля (соответственно, обеспечив безопасность этого лица), чтобы получить доказательство по делу². В результате проведе-

¹ Фаткуллин, Ф.Н. Указ. соч. – С. 48 – 49.

² Степура, Ю. И. Собираение информации и доказывание в ходе работы следователя по уголовному делу / Ю. И. Степура, А. Г. Филиппов // Вестник криминалистики. – 2004. – № 1. – С. 42.

ния соответствующих следственных действий ориентирующая информация приобретает процессуальный характер. По справедливому мнению В. А. Лазаревой, возможность использования сведений, полученных непроцессуальным путем, определяется принципиальной возможностью проверки их достоверности¹.

Таким образом, познание по уголовному делу не исчерпывается только процессом доказывания, оно включает в себя также познание событий, указывающих путь к получению доказательств, раскрывающих доказательственное значение фактов, документов, следов.

Следует различать также и субъектов уголовно-процессуального познания и доказывания. Уголовно-процессуальным доказыванием занимается не любой человек, желающий получить знания по уголовному делу, а исключительно органы и лица, наделенные правомочиями по участию в деятельности по собиранию, проверке и оценке доказательств, при этом стороны защиты и обвинения преследуют разные процессуальные цели. Субъектами же познавательной деятельности могут быть и другие лица, так или иначе связанные с событием преступления (свидетели, эксперты, специалисты и т.д.), вовлеченные в сферу уголовного судопроизводства и имеющие отличную от доказывания познавательную цель.

В каких формах происходит познание и доказывание в уголовном процессе?

Источников человеческого познания только два: опыт и разум, иными словами, прямое наблюдение познаваемого и умозаключение². Поэтому всякое познание происходит в неразрывном единстве непосредственного (эмпирического) и опосредованного (логического). Непосредственное наблюдение – метод, опирающийся на чувственные познавательные способности человека, но в наблюдении постоянно проявляется и рациональная способность в

¹ Лазарева, В. А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: учеб. пособие / В. А. Лазарева. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. – С. 169.

² Спасович, В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством / В. Д. Спасович. – М.: ЛексЭст, 2001. – С. 6.

форме установок. Именно мысль придает особую остроту органам чувств человека. Как верно отмечал А. Тренделенбург, «наблюдение только потому является источником знаний, что забегающая вперед мысль руководит в нем нашим вниманием»¹. Большинство элементов, содержащихся в познании наблюдаемого предмета, познается нами не непосредственно, с помощью органов чувств, а опосредованно, с помощью мгновенного умозаключения². «Положим, – писал Дж. Ст. Милль, – я утверждаю, что слышу человеческий голос. В обыкновенном разговоре это было бы признано за прямое восприятие. Однако действительное восприятие состоит лишь в том, что я слышу звук. Что звук есть голос и что голос этот есть голос человека, не восприятие, а выводы»³. Отсюда и часто встречаемые ошибки при восприятии – ошибки, заключающиеся в неправильном истолковании полученных ощущений⁴.

Взаимопроникновение разума и чувств, – верно отмечает А. Р. Ратинов, – состоит в том, что даже самые элементарные познавательные акты практически невозможны без мышления, а самые абстрактные мыслительные процессы насыщены чувственными элементами, исходят из них¹. Поясним эту мысль.

Психика человека, как известно, проявляется в его возможности отражать окружающую действительность и строить ее образ (функция отражения), выражать к отраженному субъективное отношение (функция отношения) и регулировать взаимодействие со средой (функция регуляции). Эти три указанные функции обеспечиваются тремя сферами психики: познавательной, эмоциональной и мотивационной.

¹ Тренделенбург, А. Логические исследования / А. Тренделенбург; пер. Е. Корша. – М.: Тип. Грачева И. К., 1868. – С. 300.

² Рутковский, Л. В. Основные типы умозаключений / Л. В. Рутковский // Избранные труды русских логиков XIX века: Отв. ред. П. В. Таванец. – М.: АН СССР, 1956. – С. 325.

³ Милль, Дж. Ст. Система логики / Дж. Ст. Милль: пер. с англ. под. Ред. П.Л. Лаврова, Ф. Резнером с 5-го Лондонского изд. – СПб: Изд-во М.О. Вольфа, 1865. – С. 139.

⁴ О неправильном истолковании полученных ощущений см., например: Анушат, Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики / Э. Анушат. – М.: ЛексЭст, 2002. – С. 23 – 24; Ароцкер, Л. Е. Тактика и этика судебного допроса / Л. Е. Ароцкер. – М.: Юрид. лит., 1969. – С. 82 – 85; Минто, В. Дедуктивная и индуктивная логика / В. Минто. – Минск: Харвест, 2002. – С.271 – 272.

Функция отражения обеспечивает человеку ориентировку в действительности, получение или создание информации о ней.

Функция отношения проявляется в субъективной оценке происходящего, на основании которой проявляется инициация активности человека, причем психическая регуляция невозможна без предварительной оценки происходящего (проявления субъективного отношения), вследствие чего возникает побуждение к активности или отказ от нее.

Субъект познания, отражая в сознании происходящее, одновременно оценивает, выражает к нему свое отношение, и в соответствии с этой оценкой принимает решение действовать определенным образом («Я вижу (слышу, чувствую и т.д.) что-либо, значит...»). При принятии решения когнитивный компонент в психике должен преобладать, – считает Л. В. Алексеева, – лишь в этом случае, оправдывая свое предназначение, человек будет «человеком разумным»².

Следовательно, процесс познания постоянно сопровождается актами оценок, т. е. мыслительной деятельностью, что означает решение по выбору, а выбор, в свою очередь, ведет к действию (или отказу от действия). Оценка, таким образом, организует практическую деятельность субъекта познания.

Соответственно двум формам познания (эмпирическое и логическое) известно непосредственное и логическое доказывание¹. Непосредственное доказывание имеет место в том случае, когда для удостоверения отдельного положения достаточно непосредственно воспринять тот или иной предмет и предъявить его другим лицам, тем самым, подтвердив справедливость доказываемой мысли. Так, можно доказать наличие или отсутствие дефектов в одежде, осмотрев и предъявив эту одежду.

Рациональное логическое доказывание имеет место тогда, когда объект мысли недоступен восприятию, когда получение знаний и их удостоверение

¹ Ратинов А. Р. Указ. соч. – С. 108.

² Алексеева, Л. В. Юридическая психология: Учебно-методический комплекс для дистанционного обучения / Л. В. Алексеева. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 3–4, 44, 52.

происходит при посредстве других предметов и сведений о них. Тот же факт может быть установлен и удостоверен документом мастерской о приеме одежды в ремонт, показаниями мастера и т. п.².

Поскольку, как уже было отмечено, между моментом расследования уголовного дела и событием преступления существует определенный «разрыв» во времени, область применения эмпирического доказывания значительно меньше логического, но все же не исключается. Поэтому не совсем верным представляется утверждение Л. Е. Владимирова, что «все, что совершается вне нас и в наше отсутствие, может быть познано только посредственно, если, конечно, познание в данном случае вообще возможно»³. Познание обстоятельств преступного события происходит преимущественно, но не исключительно опосредованным путем. Конечно, ни один очевидец не может наблюдать⁴ всех обстоятельств преступления, подлежащих доказыванию в совокупности (приготовительных действий, сговора участников, субъективной стороны, причинной связи между действием и результатом, и т. д.). Все это устанавливается, доказывается при посредстве других фактов, а последние через информацию о них. В указанном смысле доказывание в уголовном процессе есть опосредованный процесс⁵. Но путь непосредственного наблюдения в уголовно-процессуальном доказывании не исключен в отношении отдельных фрагментов преступления, которые сохранились к моменту расследования и могут быть доступны для непосредственного восприятия. Например, в тех случаях, когда следователь воспринимает факты, входящие в круг обстоятельств, подлежащих установлению по делу, – материальные последствия совершенного преступления (обгоревший дом, сломанная машина,

¹ Асмус, В. Ф. Учение логики о доказательстве и опровержении / В. Ф. Асмус. – М.: Госполитиздат, 1954. – С. 13.

² Ратинов, А. Р. Указ. соч. – С.109.

³ Владимирова, Л. Е. Учение об уголовных доказательствах / Л. Е. Владимирова. – Тула: Автограф, 2000. – С. 38.

⁴ Репецкая, А. Л. Криминология: Общая часть: Учеб. пособие / А. Л. Репецкая, В. Я. Рыбальская. – Иркутск: Изд. ИГЭА, 1999. – С. 42.

⁵ Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н. В. Жогин, – Изд. 2-е испр. и доп. – М.: Юрид.лит., 1973. – С. 288 – 289.

обезображенное лицо потерпевшего и т. п.)¹. Более того, А. Л. Репецкая и В. Я. Рыбальская считают, что «преступление, в принципе, можно наблюдать» в том случае, когда речь идет о свидетелях и жертвах преступления².

По справедливому, на мой взгляд, мнению С. В. Курылева, использование непосредственного восприятия фактов, имеющих юридическое значение и являющихся доказательствами, имеет место, например, в результате проведения таких следственных действий, как опознание, следственный или судебный эксперимент. Так же, по его мнению, непосредственно воспринимаются факты, относящиеся к поведению в суде участников дела и др.³

В этой связи вызывает возражение позиция некоторых ученых, утверждавших, что процессуальное доказывание есть полностью опосредованный путь познания, и вне предусмотренных законом средств нет процессуального доказывания⁴.

Хотя сбор сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела, и является обязательным элементом процессуального доказывания, некоторые обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК РФ, как «подлежащие доказыванию», могут быть выявлены не путем доказывания в процессуальном смысле, а иным. Речь идет, прежде всего, об обстоятельствах, форма выявления которых может быть связана с констатацией их общеизвестности или очевидности. Общеизвестные факты освобождены от доказывания в силу того, что их истинность очевидна, а доказывание является излишним. В любой отрасли знаний существуют положения, принимаемые без доказательств, благодаря этому достигается экономия интеллектуальных усилий,

¹ Лупинская, П. А. Доказывание в советском уголовном процессе / П. А. Лупинская. – М.: ВЮЗИ, 1966. – С. 54.

² М. М. Гродзинский в свое время утверждал противоположное – «способ непосредственного наблюдения в уголовном процессе исключен», с чем трудно согласиться. (Гродзинский, М. М. Улики в советском уголовном процессе / М. М. Гродзинский. – Ученые труды ВИЮН, Вып. VII. – М.: Юрид. изд-во ВИЮН СССР, 1945. – С. 3.).

³ Курылев, С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии / С.В. Курылев. Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1969. – С. 17.

⁴ Фаткуллин, Ф. Н. Указ. соч. – С. 16.; Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / М.С. Строгович; АН СССР Ин-т права. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С.230 – 236.

ибо отпадает необходимость доказывать каждое утверждение самостоятельно¹.

Общеизвестны, например, определенные физические, химические, технологические свойства и признаки вещей: стекло не трудно разбить камнем, стиральный порошок токсичен и т.п. Поэтому, когда в одном из судебных заседаний ответчики по делу возражали, что их сын, учащийся младших классов, не мог перебить стекла в десятках окон школы, что они не знали о ядовитости стирального порошка и потому насильно напоили ребенка истца, судьи справедливо отклонили их доводы, указав на общеизвестность данных фактов².

Естественный ход развития событий, естественный порядок вещей лежит в основе фактических презумпций – положений, принимаемых временно за истинные, т. е. до возникновения сомнения.

Как верно отмечал А. Шопенгауэр, «в каждом единичном явлении есть существенное и потому общее целому классу, от этого всякая вещь выступает представительницей своего рода»³ (например, способность взрослого человека различать в дневное время цвет сигнала, показания прибора; наличие кого-либо на линии движения транспортного средства или линии прицеливания). В таких случаях выявление некоторых обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, возможно не через собирание органом расследования сведений, на основе которых затем делаются ретроспективные выводы об этих обстоятельствах, а путем получения этих выводов в «готовом виде».

Следует оговориться, что речь в данном случае идет, во-первых, лишь о некоторых обстоятельствах, а не о системе в целом (виновность лица, в частности, должна быть доказана в процессуальном порядке); во-вторых, в каждом конкретном случае общеизвестность наличия признака, свойства,

¹ Рузавин, Г. И. Логика и основы аргументации: Учебник для вузов / Г. И. Рузавин. – М.: Проект, 2003. – С. 143.

² Зайцев, И. Бесспорные обстоятельства в гражданских делах / И. Зайцев, С. Афанасьев // Российская юстиция. – 1998. – № 3. – С. 26.

³ Шопенгауэр, А. Новый паралипоминон / А. Шопенгауэр. – М.: Эксмо-Пресс, 2000. – С. 319.

присущего классу объектов в целом, может быть оспорена, например, может иметь место расстройство психики, нарушение органов зрения и т. д. С логической точки зрения, общее положение считается опровергнутым, как только обнаруживается хотя бы одно ошибочное следствие, т. е. несостоятельность любого следствия некоторого положения автоматически означает ложность этого положения. Так, существует фактическая презумпция вменяемости, в силу которой каждое лицо считается вменяемым, пока не будет доказано противоположное. Вменяемость лица специально по каждому уголовному делу не доказывается. Лишь в случае, когда имеются данные о неспособности лица понимать значение своих действий и руководить ими, вменяемость лица опровергается этими данными. В этом случае «готовый» вывод обязательно проверяется путем доказывания в процессуальном смысле.

Так же не подлежащими доказыванию являются обстоятельства, установленные ранее вступившим в законную силу приговором (ст. 90 УПК РФ), т. е. преюдициальные. Как справедливо указывал В. Д. Арсеньев, «презумпция истинности судебного решения лежит в основе признания его таковым законодателем, само же законодательное признание решения истинным делает указанную презумпцию преюдицией»¹. В таких случаях речь идет о недопустимости повторного установления фактов, уже доказанных компетентными органами. Но и здесь преюдициальные обстоятельства, согласно ст. 90 УПК РФ, не подлежат доказыванию только в том случае, «если эти обстоятельства не вызывают сомнения суда».

В процессе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел устанавливаются обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Р. С. Белкин и А. И. Винберг определяли доказывание как «выяснение связей между данным явлением, фактом и обосновывающими его другими фактами, явлениями»². Данное определение вызвало дискуссию, так,

¹ Арсеньев, В. Д. О фактах, не подлежащих доказыванию в процессе уголовного судопроизводства // В. Д. Арсеньев. – Изв. вузов: Правоведение. – 1965. – № 1. – С. 10.

² Белкин, Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание / Р. С. Белкин, А. И. Винберг. – М., 1969. – С. 6–7; Белкин, А. Р. Теория доказывания. – С.9. Эту же мысль выска-

например, Ф. Н. Фаткуллин, считая это мнение односторонним, утверждал, что в уголовном процессе не может быть ни априори данных фактов, ни заранее известных явлений, обосновывающих эти факты¹.

Это утверждение вряд ли можно считать состоятельным, поскольку, во-первых, наличие хотя бы минимального запаса знаний о предмете является необходимой предпосылкой успешных действий с ним².

Во-вторых, большая часть знания приобретается человеком не непосредственно из практики, опыта (апостериорно – «после опыта»), а априорно («до опыта», «вне опыта»)³, поскольку отдельный человек не в состоянии получить все знания через личный опыт, свою практическую деятельность. Значительная часть информации приобретается, конечно, непосредственно из внешнего мира. Личностная практика субъекта (практическое взаимодействие с объектами) создает базу для наращивания информации, для ее оценки и переработки. Тем не менее, большинство обобщений, имеющих у индивидов, приобретается опосредованно. Истинность законов, аксиом подтверждается практикой человечества и не нуждается поэтому в новом подтверждении. Например, несовпадение папиллярных узоров у разных людей не доказывается всякий раз, когда в этом возникает необходимость. Это было известно и до нас (до нашего личного опыта – априори), мы используем это готовое знание в своих целях. По большей части «обосновывающие другие факты, явления» – это и есть общественно полезный результат человеческой практики, который используется при доказывании. В уголовном процессе не может быть априори данных фактов, все факты по каждому конкретному делу должны выявляться в полном объеме, но для обоснования выводов неизбежно используются знания, полученные в готовом виде из обобщенной

зывает Н. С. Алексеев. Алексеев, Н. С. Доказывание и его предмет в советском уголовном процессе / Н. С. Алексеев // Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1967. – С. 429.

¹ Фаткуллин, Ф. Н. Указ. соч. – С. 16.

² Ратинов, А. Р. Указ. соч. – С. 107.

³ Алексеев, П. В. Философия. – С. 362.

практики предшествующих поколений, в этом и проявляется преемственность знания.

Уголовно-процессуальное доказывание выступает в качестве способа познания только фактических обстоятельств дела, имеющих значение меньшей посылки для логических выводов. Большой посылкой таких выводов являются установленные положения (обобщенное знание, презумпции, нормы права, правовые аксиомы¹ и т.д.), не нуждающиеся в доказательстве. По мнению С. В. Курылева, в основе любой из установленных законом презумпций лежит найденная путем многочисленных наблюдений большая вероятность наличия одних обстоятельств при достоверном установлении других².

Благодаря науке, которая в своих законах и принципах закрепляет общественно-историческую практику человечества, суждение может быть обосновано логически, путем выведения из уже установленных положений³.

Доказывание всегда осуществляется в строгих рамках процессуальной формы, чего нельзя сказать о познании. Процесс познания может быть основан на любых данных, доказывание же – только на данных, полученных из процессуальных источников. Процессуальное доказывание как любой процесс познания подчиняется законам мышления и, если эти законы заранее не ставят никаких пределов в использовании доказательств в процессе познания явлений действительности, то выводы по уголовному делу должны быть обоснованы только допустимыми доказательствами. С точки зрения логики, в сочетании слов «допустимость доказательств» содержится противоречие – в познании не могут быть недопустимыми имеющиеся доказательства¹, но в процессуальном доказывании закон запрещает делать выводы на основании

¹ А. А. Ференс-Сороцкий определяет правовые аксиомы как правовые нормы, которые в результате многовековой практики их применения стали привычными и самоочевидными. (Ференс-Сороцкий, А. А. Аксиомы в праве / А. А. Ференс-Сороцкий // Изв. вузов: Правоведение. – 1988. – № 5. – С. 27).

² Курылев, С.В. О достоверности и вероятности в правосудии / С. В. Курылев // Изв. вузов: Правоведение, – 1968. – № 1. – С. 7.

³ Кириллов В. И. Логика: Учебник для юридических вузов / В. И. Кириллов, А. А. Старченко. – Изд. 5-е перераб. и доп. – М.: Юристь, 1998. – С. 17.

доказательств, признанных недопустимыми, даже если нет сомнения в их достоверности (например, из процесса доказывания исключается информация, зафиксированная в протоколе допроса свидетеля, подозреваемого, если ему не разъяснено положение ст. 51 Конституции РФ). Достоверные доказательства могут признаваться недопустимыми и исключаться из разбирательства по делу. По мнению С. В. Некрасова, проблема утраты доказательств по причине получения их с нарушением закона является выражено злободневной. Судебное рассмотрение дел приобрело ориентацию на жесткость в оценке законности получения доказательств².

В доказывании органически сочетаются две равноценные стороны – мыслительная и практическая. Мыслительная (логическая) сторона доказывания подчинена законам логического мышления, практическая (процессуальная) деятельность подчинена предписаниям правовых норм и основана на них. По верному мнению М. К. Треушникова, нормы права предписывают совершение таких процессуальных действий, которые создают наилучшие условия для того, чтобы процесс мышления был логичным и приводил к адекватным действительности знаниям людей, применяющим нормы права³.

Процессуальное доказывание нельзя трактовать в качестве либо только мыслительной, либо только практической деятельности по доказыванию. «Противопоставление и отделение практического от логического, – верно отмечал П. В. Копнин, – лишено смысла. Несомненно, проверка истинности суждений обязательно принимает логическую форму и без логики не может быть осуществлена. Как таковое, практическое действие не может войти в доказательство, оно должно быть осмыслено человеком и включено в логический процесс. Результаты практического акта осознаются в форме суждений, объективная истинность которых становится непосредственно досто-

¹ Треушников, М. К. Судебные доказательства / М. К. Треушников. – М.: Городец, 2005. – С. 133.

² Некрасов С. В. Особенности доказывания в уголовном судопроизводстве. / С. В. Некрасов // Особенности доказывания в судопроизводстве: Под ред. А.А. Власова. – М.: Экзамен, 2004. – С. 283.

³ Треушников, М. К. Указ. соч. – С. 55.

верной в силу чувственно-материального характера практики. Эти суждения включаются в логический процесс рассуждения, протекающего по определенным законам и формам»¹.

В связи с этим, вызывает возражение мнение В. С. Джатиева, который, отмечая соотношение познания и доказывания в уголовном процессе, полагает, что познание в уголовном процессе носит комплексный логико-практический характер, доказывание же – только логический².

На мой взгляд, процесс собирания, проверки и оценки доказательств, по определению, не может быть только логической деятельностью, поскольку один из элементов процесса уголовно-процессуального доказывания – собирание доказательств, предполагает активную практическую деятельность, непосредственный контакт субъекта доказывания с источником доказательственной информации, в ходе которого происходит обнаружение, получение и закрепление доказательств. В процессе процессуального доказывания практическая и мыслительная деятельность субъектов доказывания неразрывно связаны.

Уголовно-процессуальное доказывание можно определить как логико-практическую деятельность, протекающую в предусмотренной уголовно-процессуальным законом форме, заключающуюся в обосновании собранными, проверенными и оцененными доказательствами выводов, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела.

Выводы:

Таким образом, особенностями уголовно-процессуального доказывания являются:

1) Специфичный предмет познания уголовно-процессуального доказывания – совокупность предусмотренных уголовно-процессуальным зако-

¹ Копнин, П.В. Гносеологические и логические основы науки... – С.165.

² Джатиев, В. С. Познание и доказывание в советском уголовном процессе // В. С. Джатиев // Изв. вузов: Правоведение. – 1983. – № 6. – С. 63.

ном обстоятельств, установление которых необходимо для правильного разрешения уголовного дела.

2) Необходимость принятия решения по делу. Чем бы ни завершилась доказательственная деятельность, по делу обязательно должно быть принято решение. Познание обстоятельств совершенного преступления – не самоцель уголовного судопроизводства, а основа для правильного разрешения дела.

3) Ограниченность познания в процессе уголовно-процессуального доказывания во времени, которое определяется сроками предварительного расследования и разрешения уголовного дела.

4) Субъектами доказывания являются исключительно органы и должностные лица, уполномоченные на то уголовно-процессуальным законом. Доказывание имеет познавательную и удостоверительную стороны¹. При доказывании, предполагается адресат, к которому обращен этот процесс. Таким адресатом в уголовном судопроизводстве являются и сам субъект познания, и участники уголовного судопроизводства.

5) Исходя из общественного характера знания в доказывании, оно имеет познавательную и удостоверительную стороны, поскольку, когда речь идет о доказывании, предполагается адресат, к которому обращен этот процесс. Таким адресатом в уголовном судопроизводстве является и сам субъект познания и участники уголовного процесса.

6) Строгая регламентация законом. Использование только предусмотренных законом источников знания, обязательная форма получения и закрепления знаний, строго определенный процессуальный порядок.

7) Доказывание по уголовному делу подчиняется одновременно логическим законам мышления и законам как нормативно-правовым актам, устанавливаемым государством.

Уголовно-процессуальное доказывание, наряду с общими для всякого познания чертами, обладает своими специфическими особенностями, отли-

¹ Впервые на это указал А. Р. Ратинов. Указ. соч. – С.107.

чающими его как от научного познания, так и от исследования в других областях практической деятельности. Эти особенности обусловлены специфическим предметом уголовно-процессуального доказывания, его условиями, строго определенными процессуальными методами и т. д.

Уголовно-процессуальное доказывание – логико-практическая деятельность, протекающая в предусмотренной уголовно-процессуальным законом форме, заключающаяся в обосновании собранными, проверенными и оцененными доказательствами выводов, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела.

§ 2. Проблема истины в современном уголовно-процессуальном праве

Искать истину – и легко, и трудно, ибо очевидно, что никто не может ни целиком ее постигнуть, ни полностью ее заметить, но каждый добавляет понемногу к нашему познанию природы, и из совокупности всех этих фактов складывается величественная картина.
Аристотель

Учение об истине является одним из древнейших в философии. Принципиальная возможность познания истины утверждалась еще античными философами. Уже в VI веке до н. э. познаваемость природы и существование объективной истины как соответствие мысли независимой от человеческого сознания действительности не подвергалось сомнению, ставился вопрос об условиях истинного знания. Так, Гераклит «настаивает на следовании в мышлении объективному началу. Это объективное начало он называет Логосом, которое характеризует... как мысль, с которой человеческая мысль может совпадать и не совпадать, в зависимости от того, насколько человек прислушивается к голосу природы»¹.

Возникновение классической концепции истины связано с именем Аристотеля, который, классифицировав и обобщив методы познания в науке, создал учение о формах постигающего истину мышления, т.е. логику. В классическом понимании соответствие мысли реальности трактовалось как то, что утверждаемое мыслью имеет место «на самом деле», при этом для установления истины не менее важно следовать универсальным правилам, логике, поскольку лишь применение законов логики позволяет человеку приблизиться к истине. Если рассуждение по поводу познаваемого объекта, построенное на истинных посылках, осуществлялось в полном соответствии с правилами рассуждения, то и получаемый вывод автоматически получал статус истинного.

¹ Ахманов, А. С. Логическое учение Аристотеля / А. С. Ахманов. – М.: Соцэгиз, 1960. – С. 26.

В новое время рациональность в понимании истины проявилась в том, что истинным считалось только то знание, которое могло быть проверено на соответствие объекту экспериментальным путем, т.е. практика признается единственным критерием истинности, но основная идея соответствия знания предмету остается неизменной.

Знание лишь тогда будет истинным, когда верно отражает описываемый фрагмент действительности, соответствует ему. Знания об окружающем нас мире имеют характер объективных истин, не зависящих от воли и желания людей в том смысле, что не создаются по их усмотрению, а детерминированы отраженным объектом.

Современные ученые в философских и гуманитарных науках все большее значение придают ценностным основаниям познания, т. е. акцент делается на предпосылках познания. Это является оправданным, поскольку объективные основания познаваемой деятельности немислимы без ценностных факторов, без тех или иных социально-политических, нравственно-этических, мировоззренческих позиций.

На протяжении всей истории отечественного уголовного судопроизводства не подвергалась сомнению его направленность на установления истины. В законодательстве дореволюционной России закреплялась необходимость достижения истины. Так, согласно ст. 613 Устава уголовного судопроизводства, председатель суда должен был направлять «ход дела к такому порядку, который наиболее способствует раскрытию истины». В Объяснительной записке к Уставу также отмечалось, что «задача уголовного суда есть открытие в каждом деле безусловной истины».

Известные русские процессуалисты истину называли по-разному (объективная, материальная, юридическая, нравственная, практическая), но никто не отрицал ее значения и необходимости установления в уголовном судопроизводстве¹.

¹ Спасович, В. Д. Указ. соч. – С. 64–67; Розин, Н. Н. Курс уголовного судопроизводства / Н. Н. Розин. – СПб, 1948. – С.380–383; Фойницкий, И. Я. Указ.соч. – С. 164–167.

Положение о том, что по уголовным делам должна устанавливаться объективная истина, господствовало и в советском уголовном процессе. Это положение предусматривалось в нормах УПК РСФСР 1960 г. (ст. 20; ч. 1 ст. 89; ч. 2 ст. 213; ч. 2 ст. 257; ч. 3 ст. 280). Истина общепризнанно являлась одной из целей уголовного судопроизводства на протяжении нескольких десятилетий, при этом она понималась как точное соответствие выводов органа предварительного расследования, прокурора и суда, изложенных в том или ином процессуальном решении, тому, что было в действительности¹.

А. А. Старченко отмечал, что проблема истины в теории и истории уголовного процесса всегда была и остается тем узловым пунктом, где наиболее тесно соприкасаются юриспруденция и гносеология². Эта проблема в отечественной юриспруденции, обсуждаемая как представителями процессуального³ и уголовного права⁴ в рамках теории доказательств и в контексте проблем квалификации преступлений, так и теоретиками права⁵, исследую-

¹ См.: Горский, Г. Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, Л. С. Элькинд. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. – С. 59.

² Старченко, А. А. Логика в судебном исследовании / А. А. Старченко. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 1958. – С. 25.

³ Строгович, М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе; Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса: В 2 т. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М.: Наука, 1968; Трусов, А. И. Основы теории судебных доказательств / А. И. Трусов. – М.: Госюриздат, 1960; Арсеньев, В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе / В. Д. Арсеньев. – М.: Юрид. лит., 1964; Горский, Г. Ф. Указ. соч.; Мухин, И. И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия / И. И. Мухин. – Изд-во ЛГУ, 1971; Каз, Ц. М. Доказательства в советском уголовном процессе / Ц. М. Каз – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1960 и др.

⁴ Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и доп. / В. Н. Кудрявцев. – М.: Юристъ, 1999; Наумов, А. В. Законы логики при квалификации преступлений / А. В. Наумов, А. С. Новиченко. – М.: Юрид. лит., 1978.

⁵ Алексеев С. С. Проблемы теории права. Курс лекций: в 2-х т. – Т. 2: Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение) / С. С. Алексеев. – Свердловск: Изд-во Свердлов. ун-та, 1973; Сырых, В. М. Логические основания общей теории права: в 2-х т. – Т. 1: Элементный состав / В. М. Сырых; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М.: Юрид. Дом «Юстицинформ», 2000; Черданцев, А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке, практике / А. Ф. Черданцев. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993; Черданцев, А. Ф. Толкование права и договора: Учеб. пособие / А. Ф. Черданцев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.

щими проблему истины в области применения права, остается и в настоящее время предметом спора, остро дискуссионной.

Как, без сомнения, справедливо отмечает Ю. В. Корневский, «с позиций здравого смысла, проблема истины в правосудии, казалось бы, не дает почвы для споров. Если понимать истину в этой сфере как соответствие выводов следствия и суда о фактических обстоятельствах дела тому, что произошло в действительности, трудно представить, как можно отрицать необходимость постановки такой цели»¹. Тем не менее, вопреки этим простым и убедительным суждениям, – отмечает В. И. Зажицкий, – истину в уголовном судопроизводстве сделали проблемной².

Проблемы в установлении истины в процессе расследования по уголовному делу, содержание этой истины различные ученые рассматривают по-разному.

Так, по мнению И. Г. Субботиной, требование установления материальной истины по каждому уголовному делу (в классическом ее понимании) не соответствует на данном этапе развития общества и государства нравственным критериям, т. к. может привести к применению средств, существенно нарушающих интересы лиц, которые будут принесены в жертву публичным интересам³.

Действительно, в ряде случаев закон расценивает права и интересы человека как большее социальное благо, чем достижение истины по уголовному делу (свидетельский иммунитет, дела частного обвинения, возбуждаемые только по заявлению потерпевшего и др.) и процессуальные гарантии затрудняют отыскание истины. Но, как точно указывает И. Л. Петрухин, «если эти гарантии соблюдены, то выводы следствия и суда гораздо более досто-

¹ Корневский, Ю. В. Доказывание в уголовном процессе (закон, теория, практика) / Ю. В. Корневский // Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность; Под ред. В. А. Власихина. – М.: Юрист, 2000. – С. 143.

² Зажицкий, В. И. Истина и средства ее установления в УПК РФ: теоретико-правовой анализ / В. И. Зажицкий // Государство и право. – 2005. – № 6. – С. 67.

³ Субботина, И. Г. Нравственные начала предварительного расследования (на основе сравнительного анализа УПК РСФСР и УПК РФ): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И. Г. Субботина. – Иркутск, 2002. – С. 66.

верны, чем при произвольном ведении процесса»¹, значит, соблюдение правовых гарантий затрудняет, но не исключает установление истины по уголовному делу.

В. И. Басков утверждает, что философское определение объективной истины как содержания знания, независимого от человека, не может распространяться на понятие истины в уголовном судопроизводстве, поскольку познать истину в уголовном процессе независимо от субъектов этого познания (следователя, прокурора, судей) нельзя, ее познание неразрывно связано с восприятием ее указанными субъектами². Такой аргумент является в корне несостоятельным, поскольку знания (как истинного, так и ложного) нет вообще без познающего субъекта.

А. Александров утверждает, что стремление к истине отражает идеологию инквизиционного процесса и авторитаризма, что в демократическом государстве должен существовать «режим плюральности истин»³. И с этим мнением согласиться невозможно, поскольку, во-первых, «плюральных истин»⁴ вообще не существует. Истин, как отражения объективной реальности, не может быть несколько, истина всегда конкретна, соответствовать или не соответствовать объективной реальности могут только наши знания о ней⁵, человек либо знает истину, либо нет, говоря словами В. М. Сырых, в отличие от Януса истина не может быть многоликой⁶. Истина не может быть двойственной. Двойственную, тройственную и т. д. природу может иметь мнение или заблуждение.

¹ Петрухин, И. Л. Указ. соч. – С. 24.

² Басков, В. И. Истина в уголовном судопроизводстве / В. И. Басков // Вест. Моск. ун-та. Серия 11. Право. – 1995. – № 3. – С. 44.

³ Александров, А. О значении концепции объективной истины / А. Александров // Российская юстиция. – 1999. – № 1. – С. 24.

⁴ О «режиме плюрализма, открывающего свободу конкуренции истин» пишет и Е. А. Карякин. (Карякин, Е. А. Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве (вопросы теории и практики) / Е. А. Карякин. – Оренбург: ГОУ ОГУ, 2005. – С. 32).

⁵ Как указывает В. М. Сырых, «диалектический материализм ориентирует познающего субъекта на поиск и открытие объективных знаний, а не мыслей, оценок и мнений, иных форм выражения субъективного знания об объективном». (Сырых, В. М. Указ. соч. – С. 208).

⁶ Сырых, В. М. Указ. соч. – С. 139.

И, во-вторых, как весьма убедительно отмечает И. Л. Петрухин, «демократическое государство заинтересовано в установлении истины, потому что от этого зависит судьба граждан, как обвиняемых в совершении преступления, так и пострадавших от него. Авторитарный режим, наоборот, призывает довольствоваться вероятностью и руководствоваться здравым смыслом (например, «социалистическим правосознанием»)»¹.

А. В. Агутин, анализируя содержание понятия «истина», приходит к неожиданному выводу, что истина в значении «адекватное отражение в сознании воспринимающего того, что существует объективно» является непосредственным атрибутом философской науки и является неприемлемым в сфере уголовного судопроизводства. «Абстрактный смысл слова «истина», – считает автор, – наполняется дополнительным уголовно-процессуальным содержанием, вследствие чего уголовно-процессуальное явление, охватываемое этим термином, начинает экстраполировать свойственные только уголовно-процессуальной сфере признаки. При этом, чем больше уголовно-процессуального содержания в истине, тем меньше в ней остается от философского значения... доказывание имеет дело не с абстрактными категориями, а с конкретными доказательствами, вследствие чего философской истине не остается в этом процессе места»¹.

Такой вывод также невозможно признать правильным, поскольку философская теория познания – наука о закономерностях познания (не только научного, но и профессионального и даже обыденного), и ее положения в полной мере распространяются и на познавательную деятельность следственных и судебных органов. Поэтому нет никаких оснований, отказываться от оценки результатов познания с позиции категории объективной истины.

Далее А. В. Агутин констатирует, что для применения в сфере уголовного судопроизводства наиболее подходящим является слово «истина» в зна-

¹ Петрухин, И. Л. Истина, достоверность, вероятность в суде / И. Л. Петрухин // Юридический мир. – 2003. – № 8. – С. 23.

чении «утверждение, суждение, проверенное практикой, опытом», поскольку, термин «утверждение» означает «положение, мысль, которой утверждают, доказывают что-либо»². При этом автор не принимает во внимание, что и в этом значении понятие «истина», предполагает адекватное отражение объективной реальности, поскольку практикой, опытом положение, мысль проверяется на соответствие ее содержания тому, что существует объективно.

Существуют взгляды и полного отрицания установления истины при производстве по уголовным делам, о невозможности познать истину в принципе в процессе расследования³, категорически отрицается содержательная сторона уголовного судопроизводства, а смысл его видится в способе осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

Разделяю мнение В. И. Зажицкого по этому поводу, что такие суждения нельзя признать ни научно обоснованными, ни методологически состоятельными⁴.

Ю. К. Орлов, отмечая, что в теории доказательств в большинстве случаев достаточно классического понимания истины, отмечает, что при рассмотрении некоторых аспектов возможно использование других трактовок, в частности, конвенциональной и формальной (логической) концепции истины⁵.

¹ Агутин, А. В. О трех моделях истины в уголовно-процессуальном доказывании / А. В. Агутин // «Черные дыры» в Российском законодательстве. Юридический журнал. – 2004. – № 3. – С. 287.

² Там же. – С. 287.

³ Речь идет о высказывании Е. Б. Мизулиной о том, что истина известна только Богу, которого, однако, никто не видел. (Мизулина, Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства: Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Е. Б. Мизулина. – Ярославль, 1991. – С. 97.) Подобная точка зрения, что правду видит только бог, господствовала в обвинительном процессе раннего средневековья, в котором решение суда по делу зависело от исхода поединка, ордалий и т.д. Б. И. Сыромятников в этой связи писал, что «все судебные доказательства носили характер... «жребия», т.е. обращения к «судьбе», воплощавшейся в воле богов». (Цит. по: Каминская, В. И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе / В. И. Каминская. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 71.). Кроме этого, если речь идет о познании в ходе расследования преступления, то богом следует признать преступника, поскольку ему досконально известно все о происшедшем событии.

⁴ Зажицкий, В. И. Истина и средства ее установления... – С. 69.

⁵ Орлов, Ю. К. Указ. соч. – С. – 8.

Конвенциональной считается истина, признаваемая таковой по соглашению, конвенции. Суждение является истинным не потому, что соответствует действительности, а потому что люди договорились считать ее таковой. Типичный пример – признание лица невиновным, когда не собрано достаточных доказательств его вины. Ученый правильно подчеркивает, что объективная истина в этом случае считается неустановленной. Лицо оправдывают потому, что так велит постулат – презумпция невиновности и вытекающие из него правила о том, что недоказанная виновность приравнивается к доказанной невиновности.

Поскольку правовая оценка установленного события соотносит его не с объективной действительностью, а только с нормой права, поэтому, – считает Ю. К. Орлов, – «истина, достигаемая при правовой квалификации носит четко выраженный формальный характер, является разновидностью формальной истины»¹, т. к. соотношение признаков совершенного деяния с нормой права происходит по правилам дедуктивного умозаключения, подчиняющегося правилам формальной логики.

Позволю себе не согласиться с уважаемым автором. Формальной в теории доказательств считается истина, которая соответствует не объективной действительности, а каким-то заранее заданным условиям, правилам, причем имеются в виду правила, установленные людьми, что к законам и правилам логики не относится. Нетрудно заметить, что в приведенном Ю. К. Орловым утверждении признак логики (формальная²) переносится и на получаемое при ее использовании знание.

Действительно, когда мы оцениваем некоторое суждение как истинное, мы оцениваем его на соответствие действительности. Такое соответствие следует отличать от логического значения суждения, поскольку логические

¹ Орлов, Ю. К. Указ. соч. – С. 11.

² Логика именуется формальной, т.к. изучает мышление с точки зрения его форм, т.е. строения мысли, способа связи ее составных частей. Определение «формальная» было введено И. Кантом с намерением подчеркнуть ведущую особенность формальной логики в подходе к изучаемым объектам. (Краткий словарь по логике / Д. П. Горский, А. А. Ивин, А. Л. Никифоров; Под ред. Д. П. Горского. – М.: Просвещение, 1991. – С. 195).

формы умозаключений служат лишь средством проверки обоснованности сделанных выводов. Но из этого следует лишь то, что при выполнении правил рассуждения и при истинности исходных посылок, получаемый вывод будет проверенным логическими средствами на истинность.

При квалификации преступления (соотнесение деяния и нормы), устанавливается скорее не формальная истина, а конвенциональная, поскольку норма права по своей сути есть номинальное определение, представляющее собой соглашение людей о значении тех или иных понятий – соглашения, которые можно изменять и уточнять. Такие определения следует рассматривать как произвольные установления, к которым понятие истины неприменимо. Именно поэтому и говорят, что об определениях не спорят¹. Состав преступления особого рода идеальная конструкция, не имеющая соответствующего объекта в реальности (мыслимый объект), поэтому состав преступления следует рассматривать «как мысленную модель, а не реальное явление и понятие, отражающее это явление»², поэтому понятие истинности или ложности к подобным моделям неприменимо, их истинность постулируется.

С логической точки зрения квалификация преступления, действительно, представляет собой дедуктивное умозаключение, категорический силлогизм. Например,

Тайное хищение чужого имущества является кражей.

Установлено, что N тайно похитил чужое имущество.

N совершил кражу.

Если меньшая посылка в этом силлогизме, чтобы быть истинной, должна соответствовать действительности, то бóльшая является нормой права. Известно, что истина воспроизводит, а ложь искажает действительность, в нашем случае исказить действительность может только меньшая посылка, но

¹ Авторы логики Пер-Рояля указывали, что «определения имен не могут оспариваться именно потому, что они произвольны». (Арно, А. Логика как искусство мыслить, где помимо обычных правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения / А. Арно, П. Николь, Т. И. Ойзерман, А. Л. Субботин: РАН, Ин-т философии; отв. ред. А. Л. Субботин; пер. с фр. В. П. Гайдмак. – М.: Наука, 1997. – С. 66).

² Черданцев, А. Ф. Логико-языковые феномены в праве... – С – 141.

не норма права, к ней не применимы, как было отмечено, категории истины и лжи. Но к выводу из такого силлогизма, являющегося оценкой полученных по делу сведений, данные категории применимы. Применением метода дедуктивного умозаключения проверяется правильность вывода¹, но, при этом, как указывал Дж. Ст. Милль, «наше согласие с заключением основывается всегда на истинности посылок»².

Так, нельзя назвать формальным вывод, выполненный по тем же правилам формальной логики, из следующего дедуктивного умозаключения:

Каждому человеку свойственно ошибаться.

Я человек.

Я могу ошибаться.

Разница в этих умозаключениях лишь в том, что в последнем примере к обеим посылкам применима категория истины, т. е. их соответствие объективной реальности.

Необходимо согласиться с утверждением П. В. Копнина о том, что «неправомерной является постановка вопроса о существовании так называемой формальной истины, под которой подразумевается логическое соответствие знания знанию. Истина только одна – объективная. Доказательство не создает какой-то своей истины, оно только является средством установления истины для субъекта. При этом логическое следование одного знания из другого окончательно не решает вопроса о достоверности суждения, если не установлена достоверность знания, из которого она выводится»¹.

Думается, что познание объективной истины по уголовному делу происходит в процессе установления обстоятельств дела, а затем при правовой оценке установленного события уступает место не формальной истине, а юридической (соответствию юридического знания правовой действительности).

¹ Сам Ю. К. Орлов еще в 1976 году отмечал, что истина объективна, не зависит от сознания человека, и не меняется в зависимости от доказательств. (Орлов, Ю. К. О соотношении и содержании категорий истина и достоверность в судебном доказывании / Ю. К. Орлов // Вопросы борьбы с преступностью. Выпуск 25. М.: Юрид. лит., 1976. – С. 128 – 129).

² Милль, Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной... – С. 4.

сти). Но и в этом случае наименование истины не имеет значения для степени ее познания. Каждый установленный факт отмечается значением истины, а накопление таких фактов ведет к увеличению числа конкретных истин, при этом для устранения возможных ошибок необходима постоянная сверка исходных знаний с вновь полученными. При объективном установлении обстоятельств уголовного дела их правовая оценка становится обоснованной.

Признак же «формальность», на мой взгляд, относится не к получаемому в процессе познавательной деятельности по уголовному делу знанию, а к самой деятельности субъекта познания. Познание в уголовном процессе обусловлено установленными законом пределами, что объясняется причинами практического свойства, связанными с функциями уголовного судопроизводства. Формально определен и ограничен круг доказательств по уголовным делам, органы расследования и суд познают лишь определенную часть того, что произошло в действительности, всегда только существенные стороны, в том объеме, который необходим для выполнения стоящих перед ними задач. Вся деятельность субъекта познания в уголовном процессе регулируется процессуальными нормами, регламентирующими все действия следователя, дознавателя, прокурора, судьи, форму правоприменительных актов, права и обязанности участников процесса, сроки совершения процессуальных действий, последствия несоблюдения процессуальных норм и т. д. По мнению Р. Х. Якупова, процессуальная форма, упорядочивая ход доказывания и дела его проверяемым, обеспечивает и удостоверяет правильность, объективный характер доказывания и его выводов². Нарушение процессуальных правил в процессе доказывания по уголовному делу может привести, и часто приводит на практике, к признанию юридической недействительности и полученных доказательств (несмотря на то, что в них может содержаться достоверная информация), и принятых решений (быть может, правильных по существу).

¹ Копнин, П. В. Гносеологические и логические основы науки / П. В. Копнин: АН СССР, Инт-т философии. – М.: Мысль, 1974. – С. 158.

² Цит. по: Агутин, А. В. Указ. соч. – С. 283.

Ю. К. Орлов правомерно ставит вопрос о соотношении истины с задачами уголовного судопроизводства в целом – «является установление истины одной из конечных целей уголовного процесса или образует только промежуточную задачу?»¹. Это вопрос о содержании истины в уголовно-процессуальном доказывании, по которому можно выделить три основных точки зрения ученых-процессуалистов.

Первая точка зрения состоит в том, что содержание истины входит достоверное установление только фактических обстоятельств по уголовному делу². Так, М. С. Строгович в этой связи отмечал, что понятие истины относится к установлению фактов, обстоятельств уголовного дела³.

Согласно второй точке зрения, помимо установления фактических обстоятельств, в содержание истины входит и ее общественно-политическая и юридическая оценка⁴. Сторонники этой концепции считают, что истинной может быть только одна квалификация – та, которая соответствует тому, что произошло в действительности⁵.

Третья – содержание истины включает в себя событие, юридическую оценку и наказание. Так, Ф. Н. Фаткуллин считал, что «суд в каждом конкретном случае обязан найти такую меру наказания, которая правильно отражает характер содеянного и служит единственно верным средством для

¹ Орлов, Ю. К. Указ. соч. – С. 9 – 10.

² Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесс: в 2-х т. - Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса / М. С. Строгович. М.: Наука, 1968. – С. 324; Арсеньев, В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств / В. Д. Арсеньев. М.: Юрид. лит., 1964. – С. 36 – 39.

³ Строгович, М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. – С. 64 – 65 и др.

⁴ Еникеев, З.Д. Механизм уголовного преследования: Учебное пособие / З. Д. Еникеев. – Уфа: Изд-е Башкир. ун-та, 2002. – С. 72 – 81; Кудрявцев, В. Н. Указ. соч. – С. 48 – 49; Наумов, А. В., Новиченко, А. С. Указ. соч. – С. 25 – 28; Орлов, Ю. К. Указ. соч. – С. 10 – 11.

⁵ Теория доказательств в советском уголовном процессе. – С. 119. Вопрос о том, входит ли квалификация преступления в содержание устанавливаемой по делу истины, – отмечает Ю. А. Демидов, – интересует главным образом процессуалистов, а не специалистов по уголовному праву, хотя речь идет об уголовно-правовой, а не процессуальной проблеме. Вопрос об истинности юридической квалификации – это вопрос оценки преступления. В уголовно-правовой литературе едва ли не первым на него обратил внимание В. Н. Куд-

исправления и перевоспитания виновного. Если такая мера найдена, она соответствует объективной реальности, и соответствующие выводы суда являются, стало быть, истинными»¹.

Представляется, что наиболее правильной является позиция, согласно которой в содержание истины должно входить достоверное установление фактических обстоятельств по уголовному делу и решение вопроса о квалификации преступления. Противники этой точки зрения указывают, что «формально-логическое соответствие признаков преступления (меньшая посылка) составу преступления (большая посылка) может быть ложной, исторически преходящей или расплывчатой, что влечет ошибочность вывода в ее социально-правовом значении»².

Конечно, общественно-политическая оценка может меняться в зависимости от исторической и социальной обстановки, но не случайно ст. 4 УПК РФ закрепляет положение о том, что по уголовному делу применяется тот закон, который действует во время его производства. Правовая оценка деяния осуществляется «здесь и сейчас», а изменчивость мира отмечал еще Гераклит, утверждая, что в одну и ту же реку нельзя войти дважды. Истина всегда конкретна. Как верно указывает В. В. Ильин, «природа конкретности истины передается тезисом: абстрактной – неизменной (раз и навсегда данной), всеохватывающей (справедливой для всех возможных ситуаций) – истины нет; истина всегда конкретна, ибо получена субъектом в некоторой наличной обстановке, характеризующейся триединством места, времени, действия... Иг-

рявцев. (Демидов, Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве / Ю. А. Демидов. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 150).

¹ Фаткуллин, Ф. Н. Указ. соч. – С. 30 – 31; Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999. – С. 48 – 49; Теория доказательств в советском уголовном процессе... – С. 134 – 137; Пальчикова, Н. В. Установление истины в уголовном судопроизводстве РФ как способ борьбы с преступностью / Н. В. Пальчикова // Уголовный процесс. – 2007. – № 22. – С. 17 – 18.

² Петрухин, И. Л. Указ. соч. – С. 18.

норирование определенности ситуации трансформирует истину в заблуждение»¹.

К выводу о том, что установление истины распространяется на квалификацию преступления, – как указывает Ю. А. Демидов, – приходят в результате анализа следующей «цепочки» отношений: отношение между установленными фактическими обстоятельствами совершения преступления и оценкой их в законе, между оценкой их в законе и оценкой совершения преступления². Суд принимает законодательную оценку как истинную и, исходя из нее разрешает дело. «Если все элементы правового запрета или предписания констатированы, как обнаруженные, то приговор является выводом, заключением»³.

«Решение же о назначении той или иной меры наказания, – справедливо считает Ю. К. Орлов, – является волевым актом, приказом, а не актом познания»⁴, поскольку наказание не познается, а назначается. В своей деятельности человек переходит от истинности к правильности, что равнозначно переходу от мысли к действию, «всякое же решение о проведении каких-либо практических действий есть деятельность практическая, а не познавательная»⁵. Вывод суда, таким образом, представляет собой решение, т. е. непосредственный результат юридической практики, и как компонент этой практики, может обладать свойствами законности, эффективности, правильности, полезности, справедливости, но не истинности или ложности.

В действующем УПК РФ, в отличие от УПК РСФСР, отсутствует упоминание об истине как цели доказывания, не указано на необходимость установления истины по делу (ч. 2 ст. 243 УПК РСФСР), исключен принцип, согласно которому обстоятельства уголовного дела должны были исследовать-

¹ Ильин, В. В. Теория познания. Введение. Общие проблемы / В. В. Ильин. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – С. 112.

² Демидов, Ю. А. Указ. соч. С. – 150.

³ Василенко, И. Логическое начало уголовно-процессуальных норм / И. Василенко // Юридический вестник. Журнал Московского юридического общества. – М. – 1878. – июль. – С. 957.

⁴ Орлов, Ю. К. Указ. соч. – С. 11.

⁵ Там же. – С. 11.

ся всесторонне, полно и объективно (ст. 20 УПК РСФСР), введены институты, не требующие исследования доказательств в судебном разбирательстве (гл. 40 ст. 314-317 УПК РФ). В связи с этим некоторые ученые констатируют, что «закон не связывает признание законности с достижением истины по делу»¹.

Между тем, отказ от установления истины может быть воспринят как социальная установка, ориентирующая субъекта доказывания, которая может проявиться в отрицательной «накладке» на процесс познания и без того в немалой степени насыщенный нежелательными (для поиска истины) объективными и субъективными моментами. Если субъект доказывания будет заранее исходить из концепции недостижимости истины в процессе расследования по уголовному делу, если не будет считать ее целью познавательной деятельности, не будет стремиться к максимальному использованию всех возможных средств и способов (предусмотренных законом, конечно), то достижение истины будет невозможным. Как правильно в этой связи отмечает Д. А. Турчин, нельзя отступать от вечных позиций, выверенных самой историей человечества, каковой является истина. Это особенно недопустимо в судопроизводстве и правосудии, которые и возникли для того, чтобы оберегать истину. Малейшее отступление от нее приводит к колоссальным ошибкам не только в правовой сфере, но и в других областях жизни².

А. А. Старченко отмечал, что принципы теории доказательств и само доказательственное право всегда выполняют роль методологической основы любого типа классового правосудия, выступая показателем его степени развития, социальной ценности и назначения¹.

Действительно, исходным пунктом, первоосновой любой отрасли права, без которых она не могла бы существовать, являются ее принципы, в со-

¹ Lupinskaya, P. A. Доказательственное право в УПК РФ // Мат-лы межд. науч.-практ. конф., посв. принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. – М., 2002. – С. 80.

² Турчин, Д. А. Грешить против истины нельзя / Д. А. Турчин // «Черные дыры» в Российском законодательстве. Юридический журнал. – 2003. – № 2. – С. 458.

ответствии с которыми осуществляется правовое регулирование, действуют механизмы реализации права. Эти принципы фиксируют существующее положение в обществе, ориентацию его развития, отношение государства к лицам, к которым применяются нормы закона. Отказ от принципов, изменение их приоритетов неминуемо оказывает влияние как на практическую деятельность по реализации норм права, так и на правовую систему государства в целом, и, как следствие, влечет за собой изменения во всем обществе. З. З. Зинатуллин справедливо считает, что отказ от установления истины в уголовном процессе влечет за собой «формирование у потерпевших от преступлений лиц, да и в целом у граждан неверие в способность правоохранительных и судебных органов раскрывать преступления, устанавливая виновных в них лиц, обоснованно привлекать их к ответственности и назначать наказание, которое они заслуживают; это путь порождения неверия в торжество юстиции в целом»².

У субъекта уголовно-процессуального доказывания³, должна быть социальная установка, ориентирующая его на достижение максимальной истинности, достоверности получаемого знания. Истинность знаний, как отмечалось, не сводится к фактичности, помимо этого она зависит и от внеэмпирических факторов – категорий и ценностей, преобладающих в обществе. Имеются в виду, прежде всего, такие ценности, как демократия, права и свободы личности, справедливость и т. п.

Принцип справедливости, являясь общеправовым принципом⁴, принципом общечеловеческого жизнеустройства¹, будучи по своему происхожде-

¹ Старченко, А. А. Философия права и принципы правосудия США / А. А. Старченко. – М.: Высш. шк., 1969. – С. 31.

² (<http://kalinovsky-k.narod.ru/b/st/zinatullin.htm>).

³ Речь идет о субъекте доказывания со стороны обвинения, поскольку, например, защитника обвиняемого вполне устраивает ситуация, когда истина не достигнута, поскольку недоказанная виновность приравнивается к доказанной невинности. Деятельность защитника всегда направлена на защиту обвиняемого и, с этой точки зрения, является односторонней.

⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ № 5-П от 11 мая 2005 г. // Российская газета. - 2005. - 20 июня. - С. 10.

нию и первоначальному смыслу нравственным, лежит в основе права, т.е. является принципом судопроизводства. Каково содержание этого принципа?

Справедливость у Платона – добродетель правильного отношения к другим людям. Справедливость проявляется в отношении к другой личности, в уважении к ней, невторжении в сферу ее свободы². Принцип справедливости определяет моральное отношение государства к участникам процесса, делает людей равными перед законом и судом вне зависимости от их конкретных характеристик: национальности, пола, образования, материального или социального положения и т.д., является нормой гуманистического отношения к человеку.

Следует особо подчеркнуть, что понятие «справедливость» в аксиологическом³ аспекте тесно связано с понятием «истина»⁴. Другими словами, справедливо только то, что основано на истине. Справедливое должно основываться на истине и продолжать ее, «поскольку справедливое, – отмечает Э. М. Мурадян, – это не просто истинное, но и лучший вариант развития и утверждения истинного»⁵. Именно в этом аспекте (справедливая оценка) необходимо рассматривать установление истины судом.

¹ См.: Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы. Принята в г. Нью-Йорке 09.12.1998 Резолюцией 53/144 на 85-ом пленарном заседании 53-ей сессии Генеральной Ассамблеи ООН; Устав Организации Объединенных Наций (Вместе с «Правилами процедуры Генеральной Ассамблеи»). Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 (Правила с изм. и доп. от 31.12.1978). [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Электрон. поисковая прогр. – М.: КонсультантПлюс, 2007. – Систем. требования Р-П-300; 32 Мб ОЗУ ; Microsof Windows 2000/ XP. – Загл. с экрана.

² Краткая философская энциклопедия. – М.: Изд. гр. «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. – С. 435.

³ Оценочное понятие (от греч. axios – ценный, logos – понятие). Аксиологические модальности являются необходимыми компонентами оценочных высказываний. Различают группы модальностей: логическая модальность - выражаются понятиями «необходимо», «возможно», «невозможно»; эпистемическая модальность - выражается понятиями «убежден», «сомневается», «отвергает». (Краткий словарь по логике... – С. 9).

⁴ Краткий философский словарь... – С. 125.

⁵ Цит. по: Аширова, Л. М. Справедливость применения уголовно-процессуальных норм // Проблемы укрепления законности и правопорядка в современных условиях: Материалы международной научн.-практ. конференции 1-2 июня 2006 г. Часть II. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – С.15.

Согласно ч. 1 ст. 297 УПК РФ, приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Как отмечает Л. Д. Гаухман, справедливость воспринимается разными людьми, в том числе потерпевшим и виновным, неодинаково. Мерилом справедливости является закон¹. Суд не устанавливает истину, а судит об ее установлении или не установлении. Если суд констатирует установление истины по уголовному делу, т. е. достоверность установленных данных о событии преступления и виновности подсудимого, то его вывод будет обоснованным и справедливым. При этом, верно считает В. А. Лазарева, если выражение «установить событие преступления и виновность подсудимого» для следователя и прокурора означает доказать обвинение, то для суда оно означает признать или не признать его доказанным².

Но само установление обстоятельств совершенного преступления не может быть справедливым или несправедливым, знание об этих обстоятельствах может соответствовать действительности, не соответствовать ей или быть не установленным, поскольку, в силу объективных причин, истина, являясь идеальной и нравственной целью уголовного судопроизводства, не является достижимой по каждому уголовному делу. С. В. Курылев, без сомнения справедливо, отмечал в этой связи: «то, что возможно вообще, бывает невозможным в определенных конкретных условиях»³.

Требование установления истины по расследуемому делу большинством процессуалистов не подвергается сомнению⁴. Даже те ученые, которые

¹ Гаухман, Л. Д. Уголовное право // Под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина, С. В. Максимова. – М., 1999. – С. 10.

² Лазарева, В. А. Указ. соч. – С. 43.

³ Курылев, С. В. О достоверности и вероятности в правосудии // С. В. Курылев // Изв. вузов: Правоведение. – 1968. – № 1. – С. 65.

⁴ Божьев, В. Состязательность на предварительном следствии / В. Божьев // Законность. – 2004. – № 1 – С. 3 – 6; Еникеев, З. Д. Проблемы истины в свете принципа состязательности уголовного процесса / З. Д. Еникеев // Российский юридический журнал. – 2003. – № 3. – С. 14 – 17; Зажицкий, В. И. Указ. соч. – С. 70 – 71; Куцова, Э. Ф. Уголовный процесс России: истина и состязательность / Э. Ф. Куцова // Законодательство. – 2002. – № 9. – С. 71 – 79; Петрухин, И. Л. Указ. соч. – С. 17 – 24; Ревенко, Н. А. Обеспечение следователем всесторонности, полноты и объективности исследования дела при осуществлении уголовного преследования: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. Н. Ревенко. – Омск, 2006. – С. 123 – 125; Соловьев, А. Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России: Научн.-практ. пособие / А. Б. Соловьев. – М.: ООО Изд-во «Юрлитинформ», 2002.

считают, что закон ориентирует на необходимость установления по делу «лишь юридически значимых обстоятельств, которые предусмотрены в уголовном и уголовно-процессуальном законе»¹, тем самым признают обязательность установления истины, поскольку, как верно указывает З. З. Зинатуллин, каждое из указанных в данной уголовно-процессуальной норме обстоятельств и есть то, что Н. А. Бердяев называл «самой реальностью». Без точной констатации времени, места, способа совершения преступления нельзя доказать самого факта наличия события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Характер и размер причиненного преступлением вреда (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) есть так же «сама реальность». Их установление и есть ни что иное, как установление истины, того, что приведенные обстоятельства действительно таковы, как они установлены. В совокупности своей названные в ст. 73 УПК РФ подлежащие доказыванию обстоятельства и есть реальная картина преступления, т.е. и есть истина исследуемого. Без ее установления ни одно судебное решение не может быть оценено как законное и обоснованное².

В литературе высказываются также справедливые суждения о том, что «исключение из уголовно-процессуального законодательства упоминания истины и некоторых гарантирующих ее достижение положений не может само по себе «ликвидировать» объективные, не зависящие от законодателя закономерности познания»³, что «на практике следователи, дознаватели, прокуроры и судьи ... даже стихийно и неосознанно будут стремиться к установлению именно объективной истины, в силу универсального действия объективных диалектических закономерностей»¹. О. Н. Сычева верно отмечает, что «достаточно посмотреть на требования, предъявляемые к приговору, –

– С. 18. Тихонов, А. К. Презумпция истинности судебного приговора / А. К. Тихонов, Н. А. Громов // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2004. – № 3. – С. 316.

¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Под ред. П. А. Лупинской. – М., 2004. – С. 225.

² // <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/st/zinatullin.htm>.

³ Уголовный процесс. Учебник для вузов. Изд. 5-е / Под ред. К. Ф. Гуценко. – М.: Зерцало-М, 2004 – С. 206.

законность, обоснованность, справедливость, – чтобы понять, что истинные предпосылки приговора остались неизблемыми»².

На мой взгляд, вопрос об истине в уголовном процессе должен рассматриваться относительно установления обстоятельств совершенного преступного деяния, поскольку без установления достоверности этих обстоятельств лишается смысла вся деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств. Целью этой деятельности должно быть установление обстоятельств совершенного деяния в соответствии с действительностью, т. е. эти обстоятельства должны быть установлены максимально точно, поскольку единственными средствами установления истины по делу являются доказательства. В этой связи примечательны слова З. З. Зинатуллина: «Доказательства – средства, а искомые факты – цель. Средства используются до тех пор, пока не достигнута цель»³ и содержательна фраза В. И. Зажицкого – «нет доказательств, нет преступления»⁴.

В. А. Лазарева отмечает, что «наибольшее число допускаемых в следственной и судебной практике ошибок связаны с односторонностью или неполнотой исследования обстоятельств дела, неправильной оценкой обнаруженной информации и, как следствие, необоснованными процессуальными решениями»⁵. По справедливому мнению ряда ученых, «без всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств дела, предполагающего

¹ Печников, Г. А. Печников, Г. А. О достоверности и вероятности в уголовном процессе / Г. А. Печников // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. Юридический журнал. – 2003. – № 3. – С. 85.

² Сычева, О. Н. Презумпция истинности приговора в контексте УПК РФ / О. Н. Сычева // Уголовное право и процесс. – 2007. - № 9. – С. 24.

³ Цит. по: Миронов, В. Ю. Достоверность доказательств и их значение при постановлении приговора: монография / В. Ю. Миронов. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2006. – С. 130.

⁴ Зажицкий, В. И. Указ. соч. – С. 71.

⁵ Лазарева, В. А. Указ. соч. – С. 5. Проведенное НИИ проблем укрепления законности и правопорядка совместно с юридическим факультетом Самарского госуниверситета также показало, что наиболее распространенным недостатком предварительного следствия является неполнота и односторонность. (Соловьев, А. Б. Указ. соч. – С. 114 – 115.).

проверку всех возможных версий и вычленения лишь одной достоверной, законное опровержение презумпции невиновности невозможно»¹.

Следует признать правомерным вывод З. З. Зинатуллина о том, что «только при условии возведения в ранг принципов процесса требований всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств разрешаемого юридического дела ... можно добиться постановления правоприменителем (в частности, судом) законного и обоснованного процессуального решения»².

«Предварительное следствие, – верно отмечает Г. Н. Колбая, – является тем фундаментом, на котором разворачивается дальнейшее производство по делу и который во многом обуславливает исход судебного разбирательства»³. Поэтому полное, всестороннее и объективное установление всех существенных обстоятельств расследуемого преступления на предварительном следствии - гарантия того, что будут собраны все доказательства, необходимые для справедливого разрешения дела.

В связи с этим представляется необходимым закрепить в законе требование объективности, полноты и всесторонности установления фактических обстоятельств преступного деяния, как это имело место в ст. 20 УПК РСФСР. При этом требование объективности должно предполагать беспристрастный подход к расследованию преступления, учет всех без исключения сведений об обстоятельствах преступления.

¹ Кипнис, Н. М. Спорные вопросы теории и практики допустимости доказательств / Н. М. Кипнис // Доказывание в уголовном процессе: Традиции и современность. – М.: Юрист, 2000. – С. 183; Аверин, А. В. Судебная достоверность (Постановка проблемы) / А. В. Аверин. – Владимир: Изд-во «Транзит-Икс», 2004. – С. 256, 258, 261; Жданова, Я. В. Категории вероятности и достоверности в уголовном судопроизводстве / Я. В. Жданова. – Ижевск: Детектив-информ, 2004. – С. 27 – 29.

² Зинатуллин, З. З. Процессуально-правовые принципы по УПК РФ 2001 г. и ГПК РФ 2002 г. / З. З. Зинатуллин // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: Мат-лы Всероссийской науч. конф. «Два века юридической науки и образования в Казанском университете» 13-14 мая 2004 г. Секция «Уголовный процесс: история и современность». – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2006. – С. 59.

³ Колбая, Г. Н. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства / Г. Н. Колбая. – М.: «Юрид. лит», 1975. – С. 5.

Требование полноты установления действительных обстоятельств дела – обязанность органов предварительного расследования собирать максимально возможное количество доказательств, необходимость получения и исследования доказательств в таком объеме, который является достаточным для истинного вывода суда¹.

Требование объективности и всесторонности предостерегает субъектов доказывания от одностороннего, предвзятого, поверхностного подхода к исследованию доказательств, необходимость получения и исследования доказательств, без всесторонней проверки которых невозможно оценить последние как достоверные. По мнению ряда ученых, представляющемуся правомерным, реализация принципа законности на предварительном следствии достигается всесторонним, полным и объективным исследованием обстоятельств дела².

Предлагаю в этой связи изложить ч. 2 ст. 21 УПК РФ в следующей редакции:

«В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по объективному, полному и всестороннему установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления».

«Судопроизводство, – справедливо отмечает Ю. К. Орлов, – не может завершиться только констатацией истины... Установление истины является лишь предпосылкой такого решения, необходимым условием его правильности. Поэтому познание истины по уголовному делу – не самоцель, а лишь средство достижения других, более широких целей»¹.

Судом в процессе судебного разбирательства осуществляется оценка вывода, сделанного предварительным следствием, которое должно устано-

¹ Аверин, А. В. Указ. соч. – С. 248-249, 284-285.

² Ищенко, Е. П. О концептуальных недостатках уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / Е. П. Ищенко // Академический юридический журнал. – 2008. – № 1 (31). – С. 28-29; Лазарева, В. А. Указ. соч. – С. 201-202.

вить соответствует ли представленные доказательства тому, что было в действительности. Выводы же суда, как было отмечено, основанные на достоверных доказательствах, будут обоснованными, законными и справедливыми. «Справедливость судебных решений – это критерий, по которому общество оценивает качество правосудия, а уважение к суду – это, в первую очередь уважение к государственной власти»².

Следует признать справедливым утверждение П. А. Лупинской, что по существу, об истине, понимаемой как соответствие установленных обстоятельств дела тому, что имело место действительности, можно говорить лишь применительно к обвинительному приговору. Обвинительный приговор не может быть основан на предположении и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств (ч. 4 ст. 302 УПК РФ). Выводы, содержащиеся в обвинительном приговоре, должны быть достоверными, т. е. вполне верными, истинными, несомненными³. Это означает, что вынесение обвинительного приговора возможно лишь при безусловной, исключающей всякие сомнения доказанности вины подсудимого. С учетом изложенного, к характеру достигаемого в уголовном процессе знания более корректно применять употребляемый законом термин «доказанность»⁴, поскольку это именно тот признак (закрепленный в ч. 1 ст. 299 УПК РФ), при наличии которого можно считать обстоятельства предмета доказывания установленными.

Думается, что и при вынесении оправдательного приговора может достигаться истина, это происходит в том случае, когда оправдательные доказательства соответствуют объективной действительности, а обвинительные основывались на недостаточно проверенных данных.

¹ Орлов, Ю. К. Указ. соч. – С. 10.

² Путин, В. В. Прочная, современная судебная система - одна из главных составляющих развития страны // В. В. Путин. - Закон и право. – 2005. – № 1. – С. 6.

³ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П. А. Лупинская. – М: Юристъ, 2004. – С. 221.

⁴ Лазарева, В. А. Указ. соч. – С. 5.

В случаях прекращения дела за примирением сторон по делам частного обвинения или при отсутствии заявления потерпевшего по делам частного публичного обвинения закон охраняет личные интересы граждан, здесь нет поиска истины. Также не происходит достижения истины при оправдании обвиняемого, когда не собрано достаточных доказательств его вины, поскольку «отрицательный ответ на вопрос о виновности следует не из позитивно установленной невиновности, а из доказательственного аспекта презумпции невиновности: все неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого»¹.

Следует согласиться с мнением Т. Н. Карабановой, считающей, что нельзя говорить о том, что цель уголовного судопроизводства в случае, когда следственным органам не удалось собрать достаточно доказательств для вывода суда о виновности, и у суда нет возможности восполнить пробелы в доказательственном материале, не достигается, поскольку, если осуждение обвиняемого исключается, то суд может постановить оправдательный приговор и быть убежденным в правильности своего решения². В таких случаях решение суда основано на конвенциональной истине, основанной на презумпции невиновности. «Правило о юридическом тождестве доказанной невиновности и недоказанной виновности в совершении преступления, – верно отмечает Б. Т. Безлепкин, – объективная закономерность общественных отношений, основанная на господствующей нравственной категории справедливости»³.

При особом порядке судебного разбирательства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, суд в своем решении руководствуется фактической презумпцией, основанной на здравом смысле, заключающейся в том, что ни один человек не будет вредить самому себе, поскольку потребность человека себя защищать обуслов-

¹ Корневский, Ю. В. Актуальные проблемы доказывания в уголовном процессе / Ю. В. Корневский / Государство и право. – 1999. – № 2 – С. 57.

² Карабанова, Т. И еще раз об истине в уголовном процессе России / Т. Карабанова // Мировой судья. – 2005. – № 3. – С. 21.

³ Безлепкин, Б. Т. Указ. соч. – С. 43.

лена инстинктом самосохранения, и действия людей всегда определяются их интересами.

Некоторые авторы, считая правомерным сокращенное судебное следствие, аргументируют это тем, что «согласно доктрине состязательного судопроизводства судебное разбирательство может иметь место только при наличии спора сторон и только по поводу этого спора ... Признание подсудимым своей вины, представляющее собой, по сути, отказ от спора с обвинением по вопросу о виновности, делает ненужным исследование большинства обстоятельств дела, что и предопределяет производство следствия по сокращенному варианту»¹.

Данная точка зрения представляется обоснованной, но, с другой стороны, по резонному мнению ряда ученых, согласие обвиняемого с предъявленным обвинением отнюдь не гарантия его действительной причастности к преступлению² (мотивацией самооговора, например, может быть давление со стороны заинтересованных лиц, стремление уйти от наказания за более тяжкое преступление, желание получить какую-либо выгоду материального характера, добросовестное заблуждение в своей виновности и т. п.), поэтому не исключается возможность принятия судом неправосудного решения.

Представляется верным мнение И. Б. Михайловской, согласно которому «достигнутое сторонами согласие относительно фактических обстоятельств дела изменяет задачи судебного доказывания, перенося центр тяжести на установление подлинности волеизъявления подсудимого и решение вопроса о наказании виновного»¹.

Поэтому тщательность проверки показаний подозреваемого (обвиняемого) органами предварительного расследования может быть обеспечена выполнением органами предварительного расследования требования об объек-

¹ Львова, Е. Ю. Доказывание в суде присяжных / Е. Ю. Львова, С. А. Насонов // Доказывание в уголовном процессе; Под ред. В. А. Львова. – М.: Юрист, 2000. – С. 230.

² Азаров, В. А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Двойные стандарты в установлении истины / В. А. Азаров // Вестник Том. гос. ун-та. Сер. «Экономика. Юридические науки». – 2003. – № 4 – С. 14; Ищенко, Е. П. Указ. соч. – 29.

тивном, всестороннем и полном установлении всех обстоятельств преступления. Решение о постановлении приговора судья выносит только в том случае, если «придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу» (ч. 7 ст. 316 УПК РФ). Другими словами, только в том случае, когда собранная предварительным следствием совокупность доказательств, без учета признания обвиняемого, с несомненностью свидетельствует о его виновности, у суда есть основания для правомерного постановления обвинительного приговора. Но в связи с тем, что исчерпывающее исследование доказательств в процессе судебного заседания в этом случае не производится, следует признать, что решение суда по делам данной категории основано на соглашении, т. е. на конвенциональной истине.

В литературе высказывается мнение, что если суд не устанавливает истину, то не может быть речи о презумпции истинности судебного приговора, т.е. преюдиции, закрепленной в ст. 90 УПК РФ². В данном случае речь идет об использовании приговора суда в качестве доказательства (аргумента) при доказывании (логическом доказательстве) по другому уголовному делу, поэтому к нему применима категория истины, в данном случае постулируемой.

На мой взгляд, имеющие место в юридической литературе суждения о том, что постигаемая судом в процессе исследования доказательств в ходе судебного разбирательства истина, носит формальный характер³, вызывают возражение. Так, Дм. Мейер, указывая на ошибочность утверждений, приписывающих решению суда формальной истины, которую противопоставляют материальной, писал: «Они могут вести к ошибочному представлению, будто есть две истины, тогда как истина по существу своему едина...внушают мысль, будто есть решения, свободные от всяких формальных условий...

¹ Михайловская, И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И. Б. Михайловская. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С. 72

² Цит. по: Карякин, Е. А. Указ. соч. – С. 25.

³ А. С. Александров настаивает на том, что судебная истина формальна. (Александров, А. С. «Похвала» теории формальных доказательств / А. С. Александров // Правоведение. – 2002. – № 4. – С. 34.).

между тем как формализм в известной степени сопутствует всем судебным решениям без исключения»¹.

Тем не менее, из того, что суд при принятии решения о постановлении обвинительного приговора руководствуется заранее установленными, т. е. формальными признаками доказательств (основной из них – допустимость), не значит, что суд не исходит из существа рассматриваемого дела. Суд в своем решении руководствуется «принципом доказанности обвинения»², а то, что доказано не может не быть истинным. Доказать можно только истинный тезис, поскольку обосновать, тем более достаточно, ложный тезис невозможно. В законе ничего не говорится о том, каким формальным условиям должен соответствовать вывод суда. Процессуальные сроки, формы получения и закрепления знаний и т. д. относятся лишь к деятельности субъектов доказывания и к доказательствам, но не к выводам, которые на них основаны. Суд принимает решения, руководствуясь внутренним убеждением, законом, совестью (ч. 1 ст. 17 УПК РФ) и логикой, и здесь не может быть никаких условий.

Поэтому следует признать правильной точку зрения ученых о том, что состязательный уголовный процесс должен быть основан на концепции процессуальной (юридической) истины. Сторонники данной концепции предлагают закрепить в УПК РФ как цель уголовного судопроизводства «истинность в форме достоверной доказанности обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу»³. При этом, принимая мнение ученых о наименовании истины процессуальной, думаю, нельзя согласиться с их выводом о том, во-первых, что достижение истины является целью судопроизводства в целом.

¹ Мейер, Дм. О юридических вымыслах, предположениях, скрытых и притворных действиях / Дм. Мейер. – Казань, 1854. – С. 66.

² Розин, Н. Н. Указ. соч. – С. 303.

³ Смирнов, В. П. Противоборство сторон как сущность принципа состязательности уголовного судопроизводства / В. П. Смирнов // Государство и право. – 1998. – № 3. – С. 59-60; Конин, В. Тактика и истина в судебном разбирательстве / В. В. Конин // Воронежские криминалистические чтения: Сб. научн. трудов. Вып. 6 / Под ред. О. Я. Баева. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2005. – С. 112; Миронов, В. Ю. Достоверность доказательств

На мой взгляд, вернее рассматривать истину как цель уголовно-процессуального доказывания стороной обвинения, поскольку требования закона к знаниям суда о виновности и невиновности подсудимого различны и, как было отмечено, установление судом объективной истины происходит не по каждому уголовному делу. И, во-вторых, с выводом о необходимости ревизии устоявшегося положения о понятии и существовании объективной истины в уголовном процессе, поскольку процессуальная истина не исключает объективную истину, а основана на ее познании.

Процессуальная (юридическая) истина является относительной объективной истиной, и от изменения наименования ее сущность не изменяется. М. С. Строгович указывал, что относительную истину нельзя трактовать как максимальное приближение к истине. Она такая же объективная истина, но только не полная, характеризующаяся незавершенностью процесса познания, которая и не требуется для разрешения уголовного дела. «Абсолютно все о событии, являющемся преступлением, и о совершившем его лице суд вовсе не должен устанавливать, но то, что суд должен установить для правильного разрешения дела, т.е. совершено ли преступление, какое именно, совершил ли его обвиняемый, – это должно быть установлено абсолютно верно»¹.

Относительность объективной истины вовсе не означает «неполноту следствия по делу» или «неполно расследованное дело», как считают некоторые авторы². В процессе доказывания по уголовному делу необходимо стремиться к достижению объективной истины в том объеме и теми способами, которые определены законом, поскольку «суд в своих выводах основывается не на всех возможных доказательствах, а на доказательствах, представлен-

и их значение при постановлении приговора: Автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В. Ю. Миронов. – Челябинск, 2005. – С. 16.

¹ Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. – С. 75. Так же считал Ф. Н. Фаткуллин – «объективная истина, устанавливаемая в уголовном процессе, относительная в том смысле, что она ограничена рамками предмета и пределов доказывания, не исчерпывает исследуемых по делу обстоятельств во всех их деталях, связях и проявлениях». (Фаткуллин, Ф. Н. Указ. соч. – С. 33 – 34).

² Пискун, О. А.. Истина в уголовном судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О. А. Пискун. – Иркутск, 2006. – С. 26.

ных обвинением и проверенных на судебном следствии в установленном законом порядке, и применяет не все возможные меры к раскрытию истины, а только те, которые допускаются процессуальным законом»¹.

Именно в этом проявляется относительность объективной истины. Объективная истина – это вполне определенный ориентир, которым должны руководствоваться дознаватель, следователь или судья в познавательной деятельности по уголовному делу². Более того, по мнению А. М. Ларина, выступление против принципа объективной истины в уголовном процессе всегда служили и служат оправданию следственных и судебных ошибок³.

Трудно отрицать справедливость утверждения М. С. Строговича, высказанного более полувека назад, – «для того, чтобы правильно решить дело, правильно применить к исследуемому событию закон и на основе этого закона вывести правильное решение, суду при всех условиях необходимо установить самый факт, событие, деяние, составляющие предмет исследования по делу, в точном соответствии с действительностью. Эта задача всегда стоит перед судом по любому решаемому им делу»⁴. Закон же «может быть лишь критерием правильности правовой оценки деяния, а не критерием истинности его фактических обстоятельств»⁵.

Цель деятельности суда, таким образом, заключается в принятии справедливого решения на основании представленных и исследованных в суде доказательств. Следует согласиться с мнением ученых, считающих, что выводы суда по конкретному делу основываются на установленной истине, т. е. на тех сведениях, которые собраны, проверены и оценены предварительным

¹ Строгович, М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе / М. С. Строгович; АН СССР. Ин-т права. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 50.

² Бутов, В. И. Проблема истины в уголовном судопроизводстве / В. И. Бутов, Б. А. Лукичев // Ученые записки: сборник научн. трудов юрид. ф-та Оренбургского гос. ун-та. – Вып. 3. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2006. – С. 17.

³ Ларин, А. М. О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в проекте УПК / А. М. Ларин // Социально-экономические и правовые проблемы Восточно-Сибирского региона на пороге третьего тысячелетия: Материалы науч.-практ. конф., 13-17 мая 1998 г. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. – С. 41.

⁴ Строгович, М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе... – С. 9.

⁵ Арсеньев, В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств... – С. 177.

следствием, и соответствуют объективной действительности¹, при этом суд, оставаясь беспристрастным и независимым должен определить доказанность или недоказанность обвинения. Задача судопроизводства, по справедливому мнению В. Д. Спасовича, состоит в том, «...чтобы дойти до положительного или отрицательного убеждения в виновности подсудимого»².

Выводы:

1. Вопрос об истине в уголовном процессе должен рассматриваться относительно установления фактических обстоятельств преступного деяния и их правовой оценки. Состязательный уголовный процесс должен быть основан на концепции юридической (процессуальной) истины, т.е. на соответствии юридического знания, полученного в процессе судебного разбирательства, правовой реальности.

2. Вынесение обвинительного приговора возможно лишь при безусловной, исключаяющей неустранимые сомнения доказанности вины подсудимого. Гарантией достоверности знаний, получаемых в процессе расследования преступления, является выполнение требования всесторонности, полноты и объективности установления обстоятельств события преступления, поскольку единственными средствами установления истины по делу являются доказательства.

3. Судом в процессе судебного разбирательства осуществляется оценка правильности вывода, сделанного предварительным расследованием, которое должно установить соответствуют ли представленные доказательства тому, что было в действительности. Именно в этом аспекте (справедливая оценка) необходимо рассматривать установление истины судом. Цель деятельности суда заключается в принятии обоснованного, законного и справедливого решения на основании представленных и исследованных в суде доказательств.

¹ Громов, Н. А. Доказательства, доказывание и использование результатов оперативно-розыскной деятельности: Учеб. пособие / Н. А. Громов, А. Н. Гущин, Н. В. Луговец, М. В. Лямин. – М.: «Приор-издат». – С. 52; Францифоров, Ю. В. Указ. соч. – С. 26 – 27.

² Спасович, В. Д. Указ. соч. – С. 11.

4. Имеющие место в юридической литературе суждения о том, что постигаемая судом в процессе исследования доказательств в ходе судебного разбирательства истина, носит формальный характер, вызывают возражение. Из того, что суд при принятии решения о постановлении обвинительного приговора руководствуется заранее установленными, т. е. формальными признаками доказательств (основной из них – допустимость), не значит, что суд не исходит из существа рассматриваемого дела. В законе ничего не говорится о том, каким формальным условиям должен соответствовать вывод суда. Процессуальные сроки, формы получения и закрепления знаний и т. д. относятся лишь к деятельности субъектов доказывания и к доказательствам, но не к выводам, которые на них основаны. Суд принимает решения, руководствуясь внутренним убеждением, законом, совестью (ч. 1 ст. 17 УПК РФ) и логикой, и здесь не может быть никаких условий.

Оглавление

Предисловие	3
§ 1. Доказывание как познавательная деятельность	
по уголовному делу	4
§ 2. Проблема истины в современном	
уголовно-процессуальном праве	22

Корнакова Светлана Викторовна

**СОДЕРЖАНИЕ И ЦЕЛЬ ПОЗНАНИЯ
В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

Издается в авторской редакции

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 24.06.08. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 3,4. Тираж 100 экз. Заказ 4064.

Издательство Байкальского государственного университета экономики и
права

664003 Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУЭП